

Л. А. ГЕРА

Р
У
С
С
К
И
Й
А
Ф
О
Н

РУССКИЙ АФОН

1878-1914 гг.

Очерки церковно-
политической истории



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Выпуск 7

Русский Афон

Лора Герд

**Русский Афон 1878–
1914 гг. Очерки церковно-
политической истории**

«Индрик»

2010

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 5

Герд Л. А.

Русский Афон 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории / Л. А. Герд — «Индрик», 2010 — (Русский Афон)

ISBN 978-5-91674-103-2

Исследование посвящено церковно-политической стороне истории русского монашества на Св. Горе в период его наивысшего расцвета – в конце XIX – начале XX в. На основании архивных документов отечественных и зарубежных хранилищ автор восстанавливает некоторые малоизвестные страницы жизни русского Афона.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 5

ISBN 978-5-91674-103-2

© Герд Л. А., 2010
© Индрик, 2010

Содержание

Введение	6
Политическая ситуация на Балканах конца XIX – начала XX в.	10
Русские на Афоне. Конец XIX в.	13
Русский Афон глазами современников	17
Отношения с греками	19
Афон и вселенская патриархия. Патриарх Иоаким III	26
Позиция российского МИДа	31
Подданство русских монахов	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лора Герд
Русский Афон 1878–1914 гг. Очерки
церковно-политической истории

© Издательство «Индрик», 2010

© Л. А. Герд, 2010

* * *

Введение

Святая Гора Афон, уникальное монашеское государство, расположенное в восточной части полуострова Халкидики, по своему значению для православного мира может сравниться со святыми местами Палестины. Будучи неотъемлемой частью греческой церковной и культурной жизни, Афон в то же время принадлежит всему восточному христианству: начиная с X–XI веков там существовали монастыри грузин, русских, сербов, болгар, румын. Св. Гора представляла собой, с одной стороны, идеальный образ единения христианских народов, а с другой стороны, являлась моделью реального земного мира восточноевропейских государств, в которой, как в зеркале, отражались все противоречия политической жизни этих народов.

Полная история Афона, несмотря на пристальное внимание к нему со стороны историков, искусствоведов и богословов, до сих пор не написана; подчас возникают сомнения, может ли она быть написана вообще. Ведь любая история основывается на письменных и материальных памятниках, а дошедшие до нас источники по истории учреждения, целью которого изначально была жизнь невидимая, духовная, – неизбежно оказываются односторонними и не могут отразить эту жизнь во всей ее полноте и сути. Поэтому вполне закономерно, что исследователи описывают внешнюю сторону истории – занимаются историей искусства Афона, историей экономической жизни монастырей, составляют жизнеописания подвижников.

Как центр православного мира, Св. Гора была важнейшей церковно-политической единицей Восточного Средиземноморья и стояла на пересечении интересов великих держав (в первую очередь России) и балканских государств. Поэтому политическая история Афона, приобретшая во второй половине XIX в. ярко выраженный национальный характер, имеет большое значение для истории Балкан и Ближнего Востока в целом. В русской политике Афон занимал особое место: почти пятидесятилетнее русское монашество Св. Горы служило опорой для укрепления авторитета России на Востоке и элементом церковного рычага воздействия на политику в восточном вопросе.

Изучение церковно-политической жизни Афона и его роли в политике конца XIX – начала XX в. можно считать только начатым. Немногие научные работы, посвященные этой теме, не свободны от националистических пристрастий – будь то греческих или русских – и, кроме того, они в очень малой степени учитывают тот богатый архивный материал, который дает возможность проследить внешнюю историю Афона в данный период. Задача настоящего исследования – представить на основании дипломатических и других архивных документов некоторые наиболее яркие страницы церковно-политической истории русского Афона в период его наивысшего расцвета, в годы между русско-турецкой и Первой мировой войнами (1878–1914).

* * *

Св. Гора Афон издревле была местом подвига монахов из всех стран восточно-христианского мира. Отшельники жили на Афонском полуострове еще с VIII в.; в то время там подвизался преподобный Петр Афонский. С IX в. известны монашеские поселения, в 963 г. преподобным Афанасием был основан монастырь Великая Лавра, и вскоре после этого на Афоне стали селиться люди из всех православных стран. Внутренняя жизнь афонских монастырей определялась уставами, древнейший из которых (так называемый «Трагос») был издан императором Иоанном Цимисхием в 972 г. В течение всего византийского пери-

ода Афон находился под особым покровительством императоров: многие монастыри назывались «царскими» и пользовались особыми привилегиями; неоднократно в документах подчеркивалась независимость афонских монастырей от всякой светской власти. Щедрое пожертвование из императорского дома и от знатных вельмож давали возможность строить величественные храмы, украшенные фресками, а также мощные оборонительные сооружения и хозяйственные строения. В XIV в., несмотря на то, что Византийская империя переживает упадок, Афон по-прежнему процветает; более того, именно он становится центром знаменитого движения исихазма.

Наряду с греками, в византийский период на Св. Горе жили монахи русские, грузины, сербы, болгары и румыны. Каждый негреческий народ имел свой монастырь: русские – Ксилургу (основан в XI в.) и Св. Пантелеймона (передан русским в XII в.), сербы – Хиландарский (основан в XII в.), болгары – Зографский (основан в XIII в.), грузины – Иверский (основан в X в.), румыны в поздневизантийский период селились преимущественно в Кутлумушском монастыре; выходцы из Италии до XII в. жили в монастыре Амальфитян. Таким образом, Афон представлял собой своеобразную модель православной ойкумены, вместив в себя как высокий идеал духовного содружества христианских народов, так и противоречия реальной жизни.

Верховным главой всех афонских монастырей считался византийский император, а главой духовным был Константинопольский патриарх. Управлялось афонское монашество выборным протом и советом при нем, Кинотом; местом пребывания прота была Карея – столица Св. Горы. Каждый монастырь имел выборного игумена. Игуменьей всей горы по традиции считалась Богородица, покровительница Афона¹.

Участь всех византийских земель не миновала и Св. Гору: в 1423–1424 гг. она была присоединена к Османской империи. Завоевателем Афона Муратом II была признана автономия горы; султаны формально не имели права вмешиваться во внутренние дела Афона. Св. Гора была объявлена привилегированной территорией, наравне с вилайетами Хеджаз и Триполи². Однако тяжесть новых налогов, постоянные пиратские набеги и обеднение христианского населения сказались на монастырях: их число сократилось и общежительный устав был почти повсеместно заменен идиоритмом, или своежительным. Роль прота – «первенствующего» Св. Горы, который прежде держал в своих руках управление Афоном, падает; теперь эти функции выполняет ἡ Μεγάλη Σύναξις, собрание представителей двадцати крупнейших афонских монастырей. С начала XVII в. на Афоне поселился постоянный турецкий управляющий с титулом аги. Официально его назначение мотивировалось необходимостью защиты монастырей от пиратских набегов и произвола богатых турок-соседей; на деле же турецкий военный заменил собой прота.

С конца XVI в. предпринимаются попытки исправить материальное положение монастырей. В XVI–XVIII вв. возрождение афонских обителей происходит при помощи щедрых пожертвований господарей Молдавии и Валахии, которые, наряду с богатыми купцами-греками, становятся новыми ктиторами монастырей. Между тем в османский период негреческий элемент в населении Св. Горы уменьшается в числе; славянские иноки живут вместе

¹ Литература об истории афонского монашества огромна. Самая полная библиография до 1963 г. содержится в обзоре: Doens I. Bibliographie de la Sainte Montagne de l'Athos // Le Millénaire du Mont Athos, 963-1963. Études et mélanges. Vol. II. Venezia, 1964. P. 337–495 (второе издание отдельной книжкой: Ἀγρον Όρος, 2001), а также: Максимович К. А., Мухин В. С., Пигаль П., изум., Романенко Е. В., Статис Г., Турило в А. А., Якимчук И. З. Афон // Православная энциклопедия. 2002. Т. 4. С. 103–181. Библиография: с. 146, 166–167, 177, 181; Просвирнин А. Афон и Русская церковь. Библиография // Богословские труды. 1978. Т. XV. С. 184–256. Об организации афонской монашеской жизни в византийский период см.: Παπαχρυσάνθου Δ. Ο Αθωνικός μοναχισμός. Αρχές και οργάνωση. Αθήνα, 1992. Doens I., Παπαστα-πς Χη. Κ. Νομική Βιβλιογραφία Αγίου Όρους (1912–1969) // Μακεδόνικα. 1970. Т. 10. Σ. 191–240.

² Παπαχρυσάνθου Δ. Η διοίκηση του Αγίου Όρους (1600–1927). Αθήνα, 1999. Σ. 17; Heidborn A. Manuel de droit public et administrative de l' Empire Ottoman. Vienne; Leipzig, 1908. Vol. 1. P. 10–13.

с греками, но уже не составляют, как прежде, компактные группы, пользующиеся покровительством светских властей. Это явление было вполне закономерным и отражало общую картину развития христианства в Турецкой империи, политика которой была направлена на централизацию и, соответственно, эллинизацию православного населения. К началу XIX в. практически все монастыри находились в руках греков.

В середине – второй половине XIX в. Афон составлял казу Салоникского санджака; управлялся он каймакамом, жившим в столице Св. Горы – Карее. В его распоряжении было несколько полицейских (заптие) для наблюдения за порядком и проверки паспортов посетителей. Афон, как и прежде, платил ежегодную дань Порте; он имел своих представителей в Салониках и одного в Константинополе. Внутреннее управление определялось уставом 1877 г. Монастырей было 20; другими формами монашеских поселений были скиты, келлии и отшельнические каливы. Во главе монастыря стоял игумен в возрасте не менее 40 лет, который утверждался патриархом; ему помогали два епитропа. Новый скит мог быть основан только с разрешения афонского совета и патриарха; скит не мог быть преобразован в монастырь. Возглавлялся скит настоятелем-дикеем, который также имел епитропию (совет). Верховное управление Афона осуществлялось Кинотом, заседавшим в Карее и состоявшим из трех членов и прота (выбирался на год). Другим органом управления был Синаксис – совет, состоявший из представителей 20 монастырей³.

До XVIII в. мы располагаем лишь фрагментарными сведениями о русских на Св. Горе: это подписи под грамотами монастыря Св. Пантелеймона и других монастырей, свидетельства паломников из России. Русские монахи жили в разных афонских монастырях, в то время как в Пантелеймоновом монастыре с XIII–XIV вв. преобладали сначала сербы, а затем греки. На рубеже XV–XVI вв. были установлены официальные отношения между Пантелеймоновым монастырем и русским правительством. Ученые выходцы со Св. Горы неоднократно появляются в Москве XVI–XVII вв.; постоянно приезжали игумены афонских монастырей для сбора пожертвований; от афонских монахов в Москве было получено много святынь – мощей и почитаемых икон. Важным событием было посещение Афона Арсением Сухановым в XVII в., который привез в Москву греческие рукописи для церковной реформы патриарха Никона. В начале XVIII в. на Св. Горе побывал русский паломник Василий Григорович-Барский, оставивший детальное описание афонских обителей, их устройства и сделавший множество рисунков⁴. Его путешествие является уникальным источником по архитектуре Св. Горы и состоянию монашества в начале XVIII в. В том же столетии на Афон прибыл Паисий Величковский. Он прожил там много лет, был учеником преп. Никодима Святогорца, а затем положил в Молдавии начало афонской монашеской традиции, от которой впоследствии произошло монашество Оптиной пустыни⁵.

В XVIII в. русский монастырь перешел в руки греков. В конце столетия из-за крайнего обнищания обители монахи решили оставить старый (нагорный) Русик и переселились в принадлежавшую монастырю прибрежную келлию в честь Воскресения Христова, где и был основан новый монастырь Св. Пантелеймона. Обитель стала возрождаться; в первой половине XIX в. в ней впервые после длительного перерыва появились русские насельники. Важной вехой в истории монастыря стало прибытие в 1835 г. иеромонаха Аникиты (князя Ширинского-Шихматова), который хотел внести большой денежный вклад и поселиться в

³ Ibidem.; Meyer Ph. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894. S. 80–88.

⁴ Григорович-Барский В. Первое посещение святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского, им самим описанное. СПб, 1884.

⁵ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847; Четвериков С. Молдавский старец схимандрит Паисий Величковский. Т. I–II. Печоры, 1938; Ταχτάος Α.-Ε. Ο Ποάσνος Βελιτσκόφσκι (1722–1794) κ^ο η ασκητικοφιλολογική σχολή του. Θεσσαλονίκη, 1964; Papoulidis C. Le starets Paissij Veletckovskij (1722–1794). Irakleion, 1953.

монастыре. Однако это встретило протест со стороны греков, и окончательное вселение русских монахов в монастырь Св. Пантелеймона состоялось только в 1839 г.⁶ Через два года, в 1841 г., был основан второй русский скит на Афоне, Св. апостола Андрея⁷. В 1830-е годы в скиту Св. пророка Илии поселились выходцы из Малороссии. Немалое значение для привлечения внимания русского народа к Афону имели очерки и статьи о Св. Горе, многие из которых были написаны самими паломниками; во второй половине XIX в. таких произведений появится десятки, от простых брошюр для народа до подробных путеводителей, снабженных историческими сведениями⁸.

Русское правительство в целом не препятствовало благочестивым устремлениям народа; среди паломников начиная с середины XIX в. встречаются видные политические деятели и даже члены царской фамилии. Большой поддержкой для русских монахов были посещения великого князя Константина Николаевича в 1845 г., посланника в Константинополе В. П. Титова в 1849 г., посла Н. П. Игнатьева в 1866 г., великого князя Алексея Александровича в 1867 г. Теперь, пользуясь моральной поддержкой русской дипломатии и материальной – из России, русское афонское монашество получило возможность развиваться и принимать новых братьев. Вместе с тем стремление русских на Афон уже тогда вызывало тревогу у некоторых церковных деятелей, которые предвидели могущие возникнуть из этого политические осложнения и нежелательный с государственной точки зрения расход средств на заграничные учреждения⁹.

⁶ *Tachiaos A-E Controverses entre Grecs et Russes l'Athos // Le Millénaire du Mont Athos, 963-1963. Vol. II. P. 159–179.*

⁷ Литературу о нем см.: *Егорова А. В., Ульянов О. Г.* Андрея апостола скит // *Православная энциклопедия.* М., 2001. Т. 2. С. 399–404. См. также: *Fennell N.* The Russians on Athos. Oxford, 2001. P. 51–83.

⁸ Большой популярностью пользовались сочинения Святогорца (иеромонаха Серафима, в миру Семена Андреевича Веснина), которые выдержали много переизданий: *Письма Святогорца о святой горе Афонской с приложениями.* СПб., 1853. Т. 1–3; *Сочинения Святогорца, собранные после его смерти.* СПб., 1861.

⁹ Еще митрополит Филарет (Дроздов) писал по этому поводу: «О поддержании афонских монастырей забота едва ли нужна, и не обещает пользы. Сии монастыри много выносят из России денег посредством своих сборщиков... В некоторые монастыри делают на русские деньги серебropозлащенные оклады на иконы, что для благочестия не нужно и в Афоне неуместно, потому что может привлечь корыстолюбие турок и грабеж. И то, что русские идут на Афон иногда не по правильным побуждениям (как, например, потому, что там скорее можно получить монашество и священство) и влекут туда русские капиталы на покупку келлий и скитов и на свое содержание, не заслуживает поощрения. Сии люди могли бы в России найти себе духовное наставление и спасение» (*Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам.* СПб., 1886. Т. 4. С. 413).

Политическая ситуация на Балканах конца XIX – начала XX в.

Пруско-турецкая война 1877–1878 гг. изменила карту Балкан. К северу от Балканских гор появилось новое государство – Болгарское княжество. Нельзя сказать, чтобы русское правительство было вполне довольным результатами войны, ради которых пришлось понести столь значительные потери. Проекты «Великой Болгарии», разрабатывавшиеся послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым, были перечеркнуты решениями Берлинского конгресса 1878 г., и России так и не удалось создать на Балканском полуострове послушное себе буферное государство на пути к Константинополю. Центром восточного вопроса по-прежнему оставались черноморские проливы, Константинополь и прилегающая к нему территория¹⁰.

Для окончательного решения этого вопроса требовалась политическая подготовка, которая велась как на уровне дипломатии, так и через агентов в среде местного населения. По традиции главной опорой русской политики были православные народы, населявшие Османскую империю – греки, болгары, сербы, арабы. Поэтому церковная политика играла важнейшую роль в русской политике на Ближнем Востоке и Балканах. От дипломатов константинопольского посольства и консульств на местах требовалось знание основ канонического права, церковной ситуации в данный момент и умение ладить с противоборствующими партиями местных христиан. Одним из главных препятствий для русской политики на Востоке была провозглашенная в 1872 г. болгарская схизма¹¹. Ухудшение, а затем и разрыв отношений с Болгарией в 1880-е годы, наряду с невозможностью осуществлять церковные контакты, во многом парализовали русскую политику в восточной и южной части Балкан¹². Неудивительно, что на протяжении 40 лет усилия дипломатии были направлены на преодоление схизмы. Позиция России в целом совпадала с точкой зрения Константинопольской патриархии: Болгарская церковь должна быть ограничена пределами княжества. Иным было, однако, мнение болгар и их церковного главы – экзарха Иосифа, который в течение нескольких десятилетий боролся за назначение болгарских архиереев на кафедры Македонии и Фракии. Не имея возможности открыто поддерживать болгар и в то же время не желая конфликта с патриархией, русский Св. Синод, а вместе с ним и МИД в греко-болгарском вопросе занимал пассивную позицию лавирования между двумя противоборствующими сторонами и по сути отказывался от активного участия в происходящих событиях¹³.

¹⁰ О политике России в восточном вопросе см.: *Jelavich Ch. & B. The establishment of the Balkan national states 1804–1920*. Seattle; London, 1977; *Jelavich B. The Ottoman Empire? The Great Powers and the Straits question, 1870–1887*. Bloomington; London, 1973; *Eadem. St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet foreign policy 1814–1974*. Ibid., 1974; *Sumner B. H. Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914*. London, s. a.; *Saul N. E. Russia and the Mediterranean*. Chicago, 1970; *Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи)*. Историко-юридические очерки. М., 1896. Т. 1–2; *Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском главном архивах*. СПб., 1907; *Дранов Б. А. Черноморские проливы*. М., 1948; *Киняпина Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в.* М., 1994; *Россия и черноморские проливы*. М., 1999; *Лунева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914)*. М., 2010 и др.

¹¹ *Курганов В. Ф. Исторический очерк греко-болгарской распри // Православный собеседник*. 1873. Ч. 1. С. 187–260; *Теплов В. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам*. СПб., 1889; *Кирил, патриарх Български*. Граф Н. П. Игнатьев и Българският църковен въпрос. Изследване и документи. София, 1958; *Маркова З. Българската Екзархия*. 1870–1879. София, 1989.

¹² *Косик В. И. Русская политика в Болгарии*. 1879–1886. М., 1991; *Его же. Время разрыва: политика России в болгарском вопросе, 1886–1894 гг.* М., 1993.

¹³ О позиции России в греко-болгарском вопросе в 1880–1890-е годы см.: *Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898)*. М., 2006. С. 225–308. О попытках преодоления схизмы:

Отношения с Грецией в это время продолжают оставаться натянутыми: в 1880-е годы, во время правления премьер-министра Х. Трикуписа, послушного указаниям Великобритании, не шло и речи о церковно-политическом сближении с Россией. В Константинополе, втором центре эллинизма, русское правительство старалось поддерживать умеренно настроенных архиереев, выходцев из османских областей, которые относились к России если не дружелюбно, то, по крайней мере, терпимо. Лозунгом дипломатии было «возвысить греческое духовенство Востока в его собственных глазах», сделать его свободным от националистического влияния Афин и внушить ему подлинно вселенский дух, свободный от национальных пристрастий. Более всего удовлетворял этим пожеланиям русской политики патриарх Иоаким III (первое патриаршество 1878–1884 гг.), который пользовался большим авторитетом в среде греческого населения Турции и в 1880-е годы проводил русофильскую линию на Востоке. Патриархи, занимавшие престол в последующие годы, уже не испытывали столь дружественных чувств к северной державе; исключение составлял достаточно слабый Неофит VIII (1891–1894 гг.). Более того, двое из патриархов – Дионисий V (1885–1890) и Константин V (1897–1901) – вели открыто антирусскую политику¹⁴. При активной поддержке русской дипломатии в 1901 г. на патриарший престол был вторично избран Иоаким III. Однако на этот раз он не оправдал возлагаемых на него надежд: в болгарском вопросе и в вопросе русских монахов на Афоне он прислушивался не к советам из России, но к мнениям афинского правительства. В противостоянии болгар и сербов в Македонии в начале XX в. российское посольство взяло сторону сербов и добилося назначения сербского митрополита Фирмилиана в Ускубе (Скопие)¹⁵.

Главной политической проблемой на Балканах в этот период был македонский вопрос. С одной стороны, балканские христиане не готовились к решительному выступлению против общего врага – турецких властей. В августе 1903 г. вспыхнуло Илинденско-Преображенское восстание, быстро подавленное турками. Россия на тот момент не была заинтересована в нарушении целостности Османской империи, и потому не поддержала повстанцев. С другой стороны, столкновение интересов балканских народов – греков, болгар и сербов – на протяжении нескольких десятилетий решалось методами церковно-политической пропаганды и партизанской борьбы¹⁶. Попытки замирения края путем проведения реформ, в том числе при участии австрийских и русских военных (Мюрцштегские реформы) не могли привести к успеху. Афон, непосредственно примыкающий к Македонии, хотя и не был площадкой вооруженных столкновений, но нередко служил местом укрытия вооруженных повстанцев и хранения оружия. Обстановка особенно накалилась в конце 1910-х годов, в преддверии Балканских войн 1912–1913 гг. Россия продолжала занимать пассивную позицию и не принимала участия в балканских событиях. С точки зрения правительства, Россия, не готовая к войне на Балканах, ослабленная поражением в войне с Японией 1904–1905 гг., должна была

Kofos Ev. Attempts at mending the Greek-Bulgarian Schism (1875–1902) // *Balkan Studies*. 1984. № 2. P. 347–375; *Снегаров И.* Руски опити за предотвратяване и вдигане на схизмата // *Македонски преглед*. 1929. Т. 5. № 1. С. 1–44; № 2. С. 1–32.

¹⁴ Характеристику деятельности Константинопольских патриархов 1878–1898 гг. см.: *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). С. 55–91.

¹⁵ Об участии русской дипломатии в деле избрания Фирмилиана см.: РГИА. Ф. 797. Оп. 66. 2 отд. Ст. Д. 401; Оп. 67. 2 отд. 3 ст. Д. 9; АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3426.

¹⁶ Политическая борьба в Македонии в 1897–1913 гг. и позиция европейских держав неоднократно становились предметом исследования. См., например: *Галкин И. С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960; *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1966 (библиография р. 481–490); *Ruchti J.* Die Reformazion Österreich-Ungarns und Russlands in Mazedonien 1903–1908. Die Durchführung der Reformen. Wien, 1969; *Понов Р.* Австро-Унгария и реформите в Европейска Турция 1903–1908. София, 1974; Национально-освободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944. Т. 3. Освободителното движение след Илинденско-Преображенското въстание. София, 1997; *Лабаври Д. О.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг. София, 2008 (библиография с. 218–238) и др.

стремиться исключительно к сохранению status quo и целостности Турции. После неудачи 1880-х годов в Болгарии русское правительство практически самоустранилось от участия в балканской и вообще ближневосточной политике¹⁷. Как МИД, так и в особенности Св. Синод постоянно испытывали страх перед перспективой нарушения равновесия. Любое активное действие, по мнению русских политиков, вызвало бы опасное контрдействие со стороны враждебных западных держав. Понятно, что такая пораженческая политика могла привести только к дальнейшему ослаблению влияния России на востоке и падению ее авторитета.

Балканский союз, образовавшийся в 1910–1912 гг. при содействии России, вселил некоторые надежды на преодоление болгарской схизмы и активизацию русской политики в балканском регионе. Переговоры о снятии схизмы, однако, так и не привели к успеху; нежелание России вмешаться в ход Балканской войны и допустить болгарские войска в Константинополь (октябрь 1912 г.) свело на нет все усилия дипломатии в этом направлении. На Лондонской конференции 1913 г. русским представителям также не удалось добиться благоприятных для России решений¹⁸. Таким образом, вплоть до начала Первой мировой войны Россия не вмешивалась в балканскую политику. Пассивность, боязнь нарушить шаткое равновесие на Балканах и политика лавирования между греками, болгарами, сербами и турецким правительством неизбежно отражались и на позиции русского правительства в отношении Афона.

¹⁷ Шебунин А. Н. Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926.

¹⁸ Об отношении России к войнам на Балканах и ее участии в Лондонской конференции держав см.: Писарев Ю. А. Балканы между миром и войной (Лондонские конференции 1912–1913 гг.) // Новая и новейшая история. 1984. № 4. Июль–август. С. 63–75; Его же. Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия // Советское славяноведение. 1985. № 3. С. 58–69; Его же. Россия и международный кризис в период первой балканской войны (октябрь 1912 г. – май 1913 г.) // История СССР. 1986. № 4. С. 56–67. О попытках преодоления схизмы в 1901–1914 гг. см.: Герд Л. А. Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 1901–1914 гг. // Исторические записки (в печати).

Русские на Афоне. Конец XIX в.

Резкое увеличение числа русских на Афоне связывают с двумя именами – духовника монастыря Св. Пантелеймона о. Иеронима и игумена архимандрита Макария; благодаря их трудам монастырь стал одним из величайших духовных центров русского народа конца XIX – начала XX в.¹⁹ О. Иероним (в миру Иван Павлович Соломенцов) родился в 1806 г. в г. Старый Оскол Курской губернии в купеческой семье. В 1831–1836 гг. он странствовал и жил в разных российских монастырях, а в 1836 г. прибыл на Афон, где купил келлию пророка Илии, относящуюся к Ставроникитскому монастырю; вскоре он принял постриг с именем Иоанникий. В 1840 г. он был приглашен на жительство в русский монастырь и там принял схиму с именем Иероним. Игумен Герасим назначил его духовником для русской братии. Скончался он в 1885 г.

Не менее известным был его ученик, игумен Пантелеймонова монастыря архимандрит Макарий. Архим. Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин) родился в г. Туле в купеческой семье. В 1851 г. он прибыл на Афон, где внезапно заболел и принял постриг в ноябре того же года. Выздоровев, о. Макарий под руководством о. Иеронима вскоре стал одним из самых ревностных монахов Пантелеймоновского монастыря. Видя высокую духовную жизнь своего ученика и его несомненные способности, Иероним стал готовить его к настоятельству. Вскоре после прибытия Макария в монастыре начались попытки вытеснить русских. Греки старались ограничить их число, так чтобы они составляли не более братии. Наибольшей остроты конфликт достиг к началу 1870-х годов. Не добившись признания на Афоне, русские монахи предоставили дело патриархату. При поддержке патриарха Иоакима II и активном содействии российского посла Н. П. Игнатьева в 1875 г. спор был решен в пользу русских, монастырь официально получил наименование русского, а о. Макарий был назначен игуменом²⁰. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. отношения снова обострились, но уже по Сан-Стефанскому миру русские приравнялись в своих правах к грекам; Ильинский и Андреевский скиты были названы русскими обителями наравне с Пантелеймоновским монастырем (статья 22). Согласно 62 статье Берлинского трактата русские монахи Афона пользовались покровительством России через ее дипломатических представителей²¹.

¹⁹ *Иоаким (Сабельников), иером.* Великая стража. Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. Кн. 1. Иеросхимонах Иероним, старец-духовник Русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря. М., 2001; *Дмитриевский А. А.* Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеймоновского монастыря священно-архимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895.

²⁰ *Иоаким (Сабельников), иером.* Великая стража. С. 211–243; *Fennell N.* The Russians on Athos. P. 138–150.

²¹ Тем не менее, эта статья вызвала разочарование русских монахов Афона: в своем письме к консулу в Фессалонике игумен Макарий просит о покровительстве и с сожалением отмечает, что положение русских осталось по-прежнему неопределенным (архим. Макарий – М. А. Хитрово. 7 ноября 1879 г. ОР ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 470. Л. 2–2 об.). В результате донесения Хитрово от 10 мая 1880 г. необходимость установления особого покровительства над русскими монахами Афона обсуждалась и в МИДе, и в Св. Синоде. 5 июня 1880 г. министр иностранных дел Н. К. Гирс обратился к К. П. Победоносцеву с запросом по этому поводу (РГИА. Ф. 797. Оп. 50. 2 отд. 3 ст. Д. 139. Л. 1–1 об.). Ответ обер-прокурора был достаточно сдержанным: «Несомненно одно, – писал Победоносцев, – что устроить дела наших афонских иноков мы можем только при полном согласии с иерархом, которому они подчинены. Быть с ним в согласии не так трудно, остается только бережно относиться к его правам и не попира́ть их, упова́я на свое могущество и силу» (Там же. Л. 2–3). Здесь отчетливо проявляется разница во взглядах на церковные и, в частности, на афонские дела дипломатического и духовного ведомств: если МИД исходил в первую очередь из соображений государственной пользы, то гораздо более осторожный в своих действиях Синод постоянно указывал на невозможность пренебрегать древними каноническими нормами и обычаями. «На Берлинском конгрессе, – писал исследователь истории афонского монашества А. А. Дмитриевский, – все надежды русских иноков на Афоне вообще и в русских скитах в частности рухнули безвозвратно: сладкие мечты стать в ряд двадцатиостальных самостоятельных святогорских монастырей иной национальности разлетелись, как дым по ветру, и русские афонские иноки были возвращены, так сказать, в первобытное состояние, в каком находились они до войны» (*Дмитриевский А. А.*

После 1878 г. начался период наивысшего расцвета русского монашества на Афоне; теперь можно с полным правом говорить не просто о русском присутствии на Св. Горе, но о Русском Афоне как весомой церковно-политической единице на православном Востоке. Более чем четырехтысячное русское монашество на Афоне являлось опорой для восточной политики русского правительства. Пантелеймонов монастырь служил моральной поддержкой для русских организаций на Востоке. Так, при основании Императорского Православного Палестинского общества его будущий секретарь В. Н. Хитрово писал: «Хотя Пантелеймоновский монастырь не входит в круг деятельности нашего Общества, тем не менее, не только игнорировать мы его не можем, но наоборот, мы должны его поддерживать и ему оказывать содействие всеми нашими силами. Такой монастырь в Святой Земле (если бы был возможен!) был бы все, чего мы могли бы ожидать и желать. Это русский клин, и к тому же единственный, вбитый на Востоке»²².

В годы игуменства архим. Макария монастырь Св. Пантелеймона достиг величайшего благоденствия. Монастырские финансы были приведены в порядок; было положено основание трех подворий монастыря за пределами Афона²³; основан Новоафонский монастырь в Абхазии; в 1883 г. была построена Пантелеймоновская часовня в Москве; в 1888 г. освящен храм Новоафонского подворья в Петербурге. Подворья Пантелеймонова монастыря были в Константинополе, Одессе, Анапе, Новороссийске, Сухуме и других городах; они служили как транзитные пункты для паломников, через них собирались пожертвования и распространялись сведения о Св. Горе. Особо следует сказать о просветительско-издательской деятельности Пантелеймонова монастыря. Паломникам бесплатно раздавались тысячи листов и брошюр назидательного содержания, которые бережно хранились ими. Издательская деятельность монастыря началась в 1850 г., когда вышли в свет уж упоминавшиеся «Письма Святогорца о Св. Афонской Горе». В 1860 г. был напечатан «Афонский патерик» библиотекаря монастыря о. Азарии (Попцова) (впоследствии книга выдержала 6 изданий), а также книга «Вышний покров», в которой были собраны сказания о всех чудотворных иконах Афона. С 1865 г. в монастыре функционировала своя типография. В 1878 г. был основан ежемесячный журнал «Душеполезные размышления», переименованный в 1888 г. в «Душеполезный собеседник», в котором, наряду с различными статьями духовного содержания, печаталась летопись жизни русского Афона. Благодаря этим публикациям русский Афон воспринимался читателями как неотъемлемая часть, уголок России на Востоке. Наряду с популярными изданиями монастырь предпринимал и успешно осуществлял публикацию текстов Св. отцов, Добротолюбия, экзегетических сочинений авторов XIX в., а также описания паломничеств прежних столетий. За вторую половину XIX в. значительно пополнилась монастырская библиотека, которая в 1844 г. насчитывала 500 печатных книг и 60 рукописей, а к концу столетия составляла около 20 000 печатных книг и более 1 000 рукописей. Отбор и

Русские на Афоне. С. 237). Особенно тяжело воспринималась потеря надежды называть Андреевский и Ильинский скиты монастырями, что дало бы возможность русским иметь в Протате трех русских представителей вместо одного (Там же. С. 238).

²² В. Н. Хитрово – М. П. Степанову. 21 ноября 1884 г. Цит. по: *Дмитриевский А. А.* Императорское православное палестинское общество и его деятельность (1882–1907). Историческая записка, составленная по поручению Общества. СПб., 1907. Здесь уместно вспомнить о том, что именно из Пантелеймонова монастыря в середине 1870-х годов были командированы два монаха для служения в Мирах Ликийских, где предполагалось основать русский монастырь. Мечта Хитрово о русском монастыре в Палестине казалась близкой к осуществлению при покупке древней лавры Св. Харитона русским афонским келлиотом.

²³ В частности, в 1879 г. было получено разрешение патриарха совершать богослужения в важнейшем для монастыря подворье в Галате (Константинополе). См.: Иоаким III – архим. Макарию. 2 января 1879 г. Ответ на три письма игумена от 12, 18 и 20 декабря 1878 г. и разрешение на совершение богослужений. АКП. КПА. Кюд. 51. №. 372. Σ. 15.

покупка рукописей у других монастырей осуществлялись благодаря трудам библиотекарей о. Азарии (Попцова) и особенно о. Матфея (Ольшанского)²⁴.

Большой резонанс в русской общественной мысли 1870–1880-х годов имели произведения одного из самых оригинальных русских мыслителей и писателей, К. Н. Леонтьева. В течение многих лет Леонтьев был профессиональным дипломатом, консулом в разных городах Османской империи – Адрианополе, Тульче, Янине, Фессалониках. За время своей дипломатической карьеры он написал немало записок и отчетов по вопросам религиозности народов Турции и их национальной борьбы. В 1871 г., после тяжелой болезни, Леонтьев отправился на Афон уже не как консул, а как кающийся грешник и, к удивлению настоятеля и духовника Пантелеймонова монастыря, просил принять его в послушники. Ввиду как духовных, так и политических соображений, ему было отказано. Результатом его поездок на Св. Гору явилась «Записка об Афонской горе и об отношении ее к России» (1872 г.). В ней даются меткие характеристики национального характера и религиозности турок, греков и болгар. Специальное место уделяет Леонтьев русскому присутствию на Востоке. «Всякий лишний переселенец в Турции служит сознательно или бессознательно нашим самым священным, самым отдаленным и глубоким интересам, раздражая при этом очень мало своим присутствием (а чаще и вовсе не раздражая) государственный организм Турецкой империи». Афон, по мнению Леонтьева, имеет двоякое значение. Одно его значение – общеправославное, другое – это русский Афон, с каждым годом приобретающий все большую силу²⁵.

Отдельную страницу составляют исследования русских ученых – византинистов и славистов – на Св. Горе. В середине XIX в. на Афоне дважды побывал с ученой целью архим. Порфирий Успенский. Результатом его поездок явились детальные описания жизни монастырей и хранящихся в них культурных сокровищ, а также единственная в своем роде трехтомная история Афона²⁶. В середине XIX в. на Афоне трудился не менее известный историк христианского Востока архим. Антонин Капустин. Свое путешествие на Св. Гору в 1859 г. он описал в отдельно изданной книге²⁷. В том же году на Афоне работала экспедиция П. И. Севастьянова²⁸. Славянские рукописи изучались казанским профессором В. И. Григоровичем. В конце XIX – начале XX в. на Афон неоднократно приезжали с научными целями русские византинисты – А. А. Дмитриевский, Н. П. Кондаков, Ф. И. Успенский, В. Н. Бенешевич и другие. Целью их занятий было изучение письменных и археологических памятников, цер-

²⁴ Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. С. 294–337; Он же. Русский самородок на св. Афонской горе. Незабвенной памяти схимонаха Матфея. СПб., 1912 (=Сообщения ИППО. 1912. Вып. 1. С. 122–142).

²⁵ Косик В. И. Константин Леонтьев. Размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 94–95. Дипломатические донесения Леонтьева изданы: Константин Николаевич Леонтьев. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты. 1865–1872 / Сост. К. М. Долгов. М., 2003. См. также: Долгов К. М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 2008; Жуков К. А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006.

²⁶ Порфирий (Успенский) еп. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа, Порфирия Успенского, в 1845 году. Часть 1. Отд. 1. Киев, 1877; Часть 1. Отд. 2. Киев, 1877. Его же. Первое путешествие... в 1846 году. Часть 2. Отд. 1. Киев, 1877. Часть 2. Отд. 2. М., 1880; Его же. Восток христианский. Афон – История Афона. Ч. 1. Афон языческий. Киев, 1877; Ч. 2. Афон христианский. Там же; Ч. 3. Афон монашеский. Там же. Кроме этих основных трудов, Порфирий написал большое количество статей и издал немало текстов, связанных с историей Св. Горы. Список его печатных трудов см.: Сырку П. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Императорскую Академию наук по завещанию. СПб., 1891. С. 399–408. Собрание рукописей Порфирия, среди которых немало было приобретено им на Афоне, с 1883 г. хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Некоторые сведения о приобретении рукописей см.: Герд Л. А. Еп. Порфирий Успенский: из эпистолярного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 8–21.

²⁷ Антонин архим. Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. О научной работе Антонина на Афоне см.: Дмитриевский А. А. Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В. И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) / Публикация с комментариями Ф. Б. Полякова и Б. Л. Фонкича // Byzantinorussica. 1994. Т. 1. С. 165–197; Герд Л. А. Архим. Антонин Капустин и его научная деятельность (по материалам петербургских архивов) // Рукописное наследие русских византинистов. СПб., 1999. С. 8–35.

²⁸ Довгалло Г. И. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность П. И. Севастьянова (по материалам его личного архива) // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995.

ковной архитектуры и живописи; они неизменно встречали гостеприимный приют в русских обителях. В русском монастыре Св. Пантелеймона не только радушным хозяином ученых гостей, но и деятельным сотрудником их был библиотекарь о. Матфей. Его активные контакты с византинистами А. А. Дмитриевским, В. Э. Регелем, И. В. Помяловским, Н. Ф. Красносельцевым, А. И. Алмазовым нашли отражение в сохранившейся переписке ученых и еще ждут своего исследования²⁹. Во второй половине XIX в., наряду с Пантелеймоновым монастырем, Ильинским и Андреевским скитами, значительное число русских монахов селилось в келлиях – небольших обителях, принадлежавших тому или иному из 20 святогорских монастырей. За получение права на келлию монах платил главному (кириархическому) монастырю определенную сумму денег, после чего составлялся договор (омология), в котором оговаривались условия аренды келлии. Русские воспринимали этот акт не как аренду, а как покупку келлии, разворачивали в них строительные работы, принимали новых насельников, превышающих число указанных в документе, а нередко пытались добиться признания за келлией прав скита. Все это вызывало длительные тяжбы с главными монастырями, вмешательство дипломатов и гражданских властей в жизнь Афона³⁰.

²⁹ *Медведев И. П.* Письмо с Афона (Библиотекарь русского Пантелеймоновского монастыря схимонах о. Матфей) (в печати).

³⁰ К истории русских келлий на Афоне мы вернемся ниже. Недавно вышло монографическое исследование, посвященное преимущественно русским келлиотам: *Троицкий П.* История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2008.

Русский Афон глазами современников

Благосостояние русских обителей производило большое впечатление на соотечественников. «Пребывая в стенах русского монастыря святого Пантелеймона, там жил в какой-то атмосфере древнего русского благочестия, – писал генеральный консул в Македонии М. А. Хитрово, – сердце радуется, видя на далекой чужбине это благоустроенное, прекрасно управляемое громадное хозяйство в благочестивом деле русского Православия. Но не надо забывать, что великое дело это, возникшее, так сказать, само собою из духовных потребностей русского народа, развилось, зиждется и поддерживается ныне исключительно неусыпной деятельностью, непреодолимой энергией и громадным нравственным влиянием выходящих из ряда отцов Макария и Иеронима и нескольких лиц, которых они сумели собрать вокруг себя. Дело это благодаря усилиям отцов Макария и Иеронима ныне поставлено на прочную почву. Монастырь святого Пантелеймона стоит на собственной земле и имеет своего, русского представителя в Протате. Игумен – русский, в составе братии огромное большинство принадлежит русским»³¹.



Монастырь Св. Пантелеймона. 18/31 августа 1928 г.

С восторгом описывает свое посещение Афона 1886 г. профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. Е. Троицкий. Русские монастыри, по его словам, «это ульи пчел, уютно и практично устроенные, в которых жизнь кипит ключом, в которых обитатели, как трудолюбивые пчелы, работают с утра до ночи каждый над своим делом, расширяя и благоустроая свои жилища, приумножая общие средства, созидая дело, долженствующее существовать века... Русские монахи живут и работают для будущего, работают для своей оби-

³¹ Донесение от 10 мая 1880 г. Цит. по: *Иоаким (Сабельников), иером. Великая стража*. С. 292.

тели, которая служит для них и отцом, и матерью, родом и племенем, осуществляет для них все дорогое им в жизни, и ради которой они и живут, и умирают»³².

Восхищался русскими обителями также и живший в 1880–1890-е годы на Афоне, в келлии Милопотамон, бывший Вселенский патриарх Иоаким III. Жизнь русского Афона в это время ярко представлена в его записке, составленной в январе 1891 г. для солунского консула И. С. Ястребова. «На каком бы месте Афона русские ни заняли келлии или места, – говорилось в записке, – они тотчас стараются «...» умножать число монахов и перестраивать все здания и церкви, дабы придать им русский вид. Так, о. Иероним нашел приют в монастыре Св. Пантелеймона с 15 русскими монахами, а через 35 лет число их возросло до тысячи... Архимандрит Виссарион с семью учениками приехал из Киева и занял Ватопедскую келлию Св. Андрея, а через 40 лет эта келлия превратилась в прекраснейший скит, превосходящий благолепием все монастыри, число же братии возросло до четырехсот. Оба эти человека были люди простые и достигли таких результатов только благодаря своей ревности и усердию. Их примеру следуют некоторые другие старцы келлий, перестраивая все на русский лад. В то же время греческое монашество падает, чахнет и близится к роковому концу вследствие нерадения монахов и преследования ими только личных интересов. Духовная власть на Афоне не пользуется никаким значением, послушание заметно повсюду. Монастыри греческие враждуют между собой, стараясь превзойти один другого в самочинии и своеволии. Напротив, в русских обителях господствует порядок; все идет на зов настоятеля, являются к послушанию с покорностью, работают с самоотвержением, не вмешиваются в мирские дела. Старшие усердно стремятся к приумножению имущества, получая богатую милостыню из России (ежегодно до 200 тыс. лир, т. е. 1 миллионов рублей). На эти средства в течение 40 лет воздвигнуты русскими обителями великолепнейшие здания, храмы, подворья; ризницы и кладовые их можно назвать царскими, амбары наполнены хлебом, вином, елеем и всякими благами. Внушительное число монахов, величие храмов, примерное гостеприимство и щедрая раздача милостыни привлекают к русским обителям»³³.

³² «Наша отечественная церковь занимает первое место между всеми православными церквями». Отчет профессора И. Е. Троицкого о командировке на Восток. 1886 г. / Подготовка текста, вступ. статья и комм. Л. А. Герд // Исторический архив. 2001. № 4. С. 167.

³³ И. С. Ястребов – А. И. Нелидову. 24 января 1891 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 61. 2 отд. 3 ст. Д. 146. Л. 8–12.

Отношения с греками

Цветущее положение русских афонских обителей и стремительное увеличение численности их насельников вызывали недовольство и зависть греков, монастыри которых нередко терпели нужду. Разгоранию неприязни способствовала общая неблагоприятная обстановка на Балканах, накал националистических страстей и антиславянских настроений. «Недаром греческие газеты начали еще за десять лет тому назад бить в набат против умножения русских монахов на Афоне. Они указывали на опасность поступления греческих монастырей в руки иноземных пришельцев, но и теперь еще не перестают страшиться обрусения Афона», – писал в начале 1891 г. консул в Фессалонике И. С. Ястребов³⁴. Греки обвиняют русских в нарушении древнего благочестия; между тем непризнание ими русских икон и пения свидетельствует о том, что у них «еще нисколько не развилось чувство изящного»³⁵. Умение русских жить хорошо и на Афоне вызывает зависть у греков, – продолжал Ястребов, – а чистота и опрятность кажется им роскошью. «И в хорошей обстановке ведь можно спасти душу свою! Не лучше ли исповедать прямо свой грех национальной исключительности, грех неуместной гордости и в то же время зависти к народу, который сохранил лучше греков старое благочестие, обрядовую сторону веры православной?» По мнению консула, подобно тому, как в свое время многие славянские монастыри обеднели и перешли в руки греков, так и теперь «есть греческие монастыри, которые видимо пустеют и силой Промысла Божия должны перейти в руки русских»³⁶.

Понятно, что подобные «панславистские» взгляды дипломатии, пусть даже не всегда так открыто высказанные, не могли нравиться греческому правительству. Афинский кабинет неоднократно предпринимал шаги против русских: это дипломатическое давление на патриархов, пропаганда греческих агентов и культурно-просветительских обществ, деятельность греческих дипломатов, в первую очередь консулов в Фессалонике³⁷. Летом 1883 г. из Афин прибыла на Афон депутация Н. Дамаласа и П. Павлидиса, известных историков и богословов. В результате экспедиции ученые выработали следующие меры для укрепления позиции греков на Св. Горе: 1) убедить патриарха не давить на монастыри в пользу русских из страха перед русской дипломатией; 2) укрепить греческое образование на Афоне, чтобы были образованные монахи, способные защищать права греков; 3) чтобы по меньшей мере один раз в год на Афон ездил консул из Македонии для поддержания национального чувства монахов; 4) организовать через какое-нибудь пароходное агентство паломничество греков на Афон для противопоставления русским, число которых достигает 4 000 в год. Особенного внимания заслуживает шестой пункт проекта, в котором предлагается монахам из разных греческих монастырей принять английское подданство, чтобы иметь возможность пользоваться поддержкой английского посольства в Константинополе в том случае, если русское вмешательство ущемит их права. Если это будет сложно, продолжают авторы проекта, пусть приедут на Афон монахи, уже имеющие английское подданство, например киприоты³⁸. Этот план, конечно, не был осуществлен, но он свидетельствует о степени влия-

³⁴ И. С. Ястребов – А. И. Нелидову. 15 января 1891 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1193. Л. 7–8.

³⁵ Там же. Л. 9. Эта оценка русского консула, вызывающая улыбку, очень характерна для XIX в.: традиционное греческое церковное пение не воспринималось и другими русскими на Востоке. Напротив, грекам русское партесное пение и академический стиль в иконописи казались ересью. Патриарх Иоаким III также говорил о неорганичности русской церковной архитектуры для Св. Горы.

³⁶ Там же. Л. 10 об.

³⁷ В этом смысле очень показательны донесения салоникинского консула Лангадаса, относящиеся к 1870-м гг.: Παλαστάθη Χ. Κ. Πέντε έγγραφα του 'Ελληνικού προξενείου Θεσσαλονίκης περί της Ρωσσογκής πολιτικής έν Αγίω Όρει. Θεσσαλονίκη, 1967.

³⁸ Καρδάρας Χρ. Η πολιτική δράση του πατριάρχη Ιωακείμ Γ' (Прώτη πατριαρχία 1878–1884). Διδακτορική διατριβή.

ния Англии на политику афинского кабинета и умонастроения греческих политиков. Греческие монахи Афона в ходе спорных дел с русскими неоднократно обращались за помощью к английским представительствам.

В 1887 г. Афон посетил греческий консул в Фессалонике Т. Докос. В своем донесении министру иностранных дел Стефану Драгумису он подробно излагает ситуацию на Св. Горе с точки зрения греческих национальных интересов и особое внимание уделяет русской угрозе. Начинается описание с Карее – столицы Афона. Здесь, по наблюдениям Докоса, русские держат питейные заведения, в которых собираются «монахи, приносящие жертву Вакху» и творят разные безобразия. К счастью, русские не имеют права приобретать здесь недвижимость; они только арендуют дома. Для того, чтобы избежать обмирщения Карее, необходимо запретить монастырям сдавать в аренду помещения под магазины; целесообразным представляется также там открытие греческого консульского представительства³⁹. Состояние греческой монашеской школы в Карее (Афониады), в которой было 23 ученика, Докос, вслед за Иоакимом III, считал неудовлетворительным. Устройство пансиона, в котором могли бы обучаться юноши из других мест, представлялось весьма желательным, однако, с одной стороны, против этого выступали представители монастырей, а с другой – это создало бы повод для открытия такого же русского пансиона. Усовершенствование школы Докос рассматривал как дело национального значения, потому что в ней монахи научались бы различать опасности для нации. Нам нужно, подчеркивал Докос, иметь способных людей в каждом монастыре. В маленьких обителях игумены с трудом могут противостоять нашествию иностранных духовных лиц. Необходимо, чтобы монастыри постоянно посещали образованные клирики из Греции, которые бы внушали монахам чувства благочестия и укрепляли бы их национальное сознание. В Карее нужен человек, который бы служил посредником между монахами и консульскими властями и правительством. «Систематической работой из одного центра мы можем нейтрализовать действия русских, которые пользуются поддержкой сильных покровителей, работают в пользу одной и той же цели, организованы с военной дисциплиной и подчиняются политическим центрам за границей»⁴⁰.

При описании посещения каждого греческого монастыря Докос специально отмечает его положение с точки зрения национальных интересов и возможностей противостоять русским. Так, хорошее экономическое положение Ксиропотамского монастыря (годовой доход 2 360 лир) порадовало его из-за общей границы этой обители с Пантелеймоновым монастырем, ввиду опасности захвата территории. Монахи Ксиропотама хорошие патриоты и смогут противостоять русским соседям. Пантелеймонов монастырь предложил им продать часть побережья на границе за 2 000 лир, но получил отказ; не увенчались успехом также попытки включения русского монаха в число братии; отказом было встречено предложение петь иногда славянскую литургию⁴¹. С похвалой отзываясь Докос и о Кутлумушском монастыре, игумен которого, Харитон, родом из Загории, представлялся ему очень подходящей личностью для организации национальной деятельности на Афоне. Русские всеми силами стараются приобрести кутлумушскую келлию в Карее, но им было отказано; были изгнаны также два монаха, прибывшие на место умерших и живших там сверх положенной нормы.

Посетил Докос и Иверский монастырь, который в течение многих лет имел спор с грузинской келлией Св. Иоанна Богослова. Эпитропы и проиस्ताмены монастыря показали консулу хорошими патриотами, однако Иоаким III предостерег его от доверия антирусским настроениям в Ивироне. Бывший патриарх говорил, что большинство греческих монахов на

Ιωάννινα, 1993· Σ. 253–258.

³⁹ Т. Докос – Ст. Драгумису. 24 августа 1887 г. Αρχαίον Γενναδίου. Αρχαίον Στ. Δραγούμη. Фак. 32.1. Αθως–Μονές Αγίου Όρους Σ. 1–24.

⁴⁰ Ibid. Σ. 16.

⁴¹ Ibid. Σ. 17–19.

Афоне симпатизируют русским и считают, что если простые и бедные иноки по неграмотности или из материальных интересов сближаются с русскими, то от этого не может быть никакого вреда для эллинизма, ибо они не могут взять верх в греческих монастырях. Если, по мнению Иоакима III, русские добьются превращения грузинской келлии в скит, то они легко смогут войти и в Иверский монастырь⁴². Докос, однако, считал опасения патриарха преувеличенными. За несколько дней до его прихода Ивирон посетил русский консул, который пытался вести переговоры об обращении келлии в скит и угрожал не только задержкой доходов от Иверского монастыря в Москве, но и конфискацией самого монастыря, однако получил отказ⁴³.

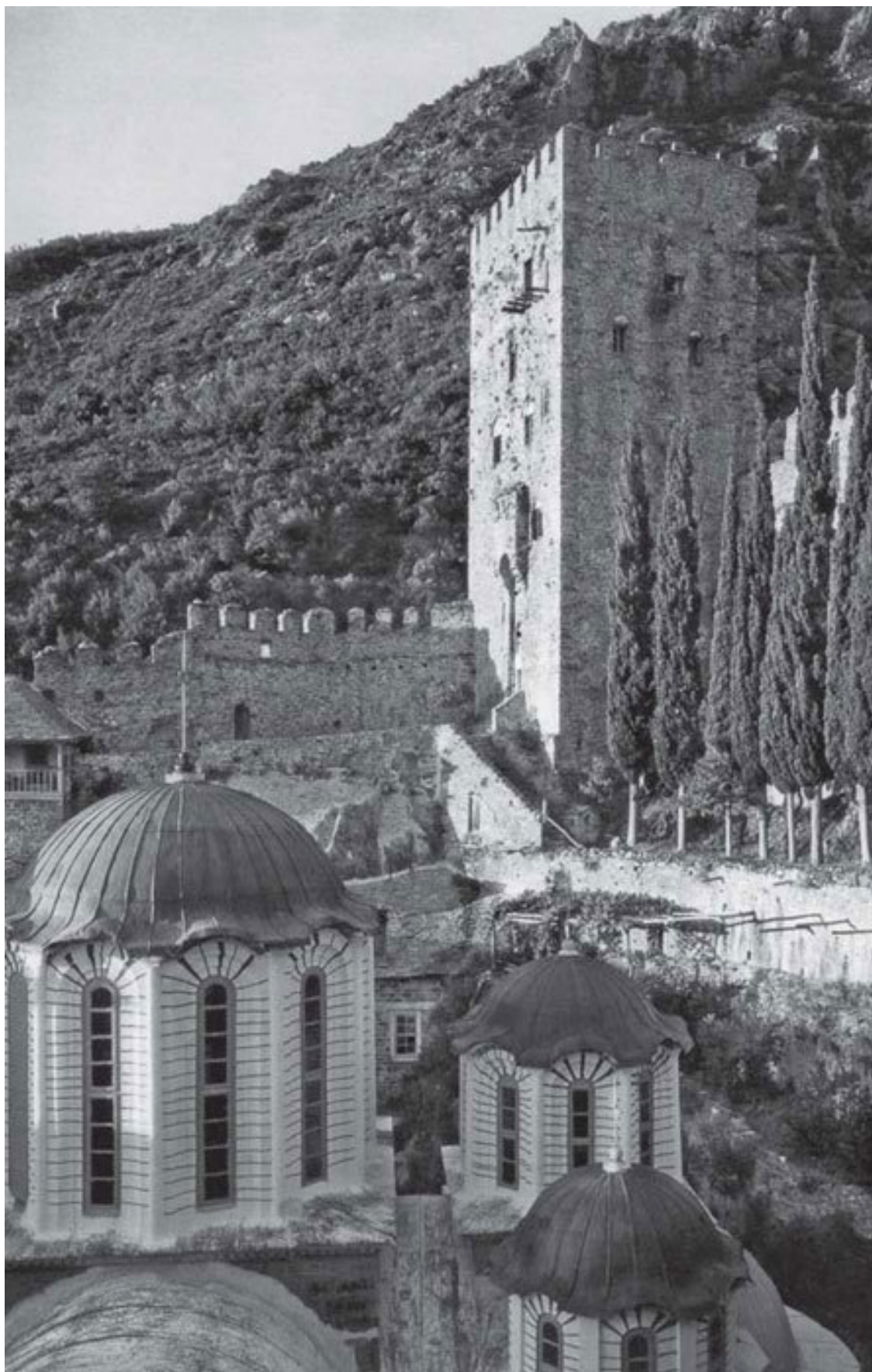
С удовлетворением говорит Докос о неудачной попытке русских организовать свою школу в Филофеевском монастыре; о передаче же лавриотами келлии в Кавсокаливии русским упоминает с сожалением. Из греческих афонских монастырей один только Святопавловский сумел сохранить свои доходы от бессарабских имений путем «постоянной лести через представителя в Карее»⁴⁴. Греческие инициативы в этой обители принимаются с трудом; представитель монастыря в Карее выступает вместе со славянами – Пантелеймоновым, Хиландарским и Зографским монастырями. Антипросоп Св. Павла предложил разрешить русским фотографировать фрески Панселина в Протате; это предложение было забаллотировано греческими представителями. Святопавловский монастырь даром предоставил Пантелеймонову монастырю скалы на побережье для постройки там дома. Кроме того, Иоаким III сообщил консулу, что антипросоп Св. Павла якобы тайно продал русским частицу Св. мощей и Даров, которые волхвы принесли Спасителю на Рождество. «Они полагают, что смогут обмануть русских и под видом дружбы получать от них деньги без вреда для национальных интересов. Я не думаю, что русские столь глупы, чтобы без уступок и надежды на большее давать большие суммы. Монахи утверждают, что поскольку они сами родом из Кефалинии, то нет опасности их обрусения. «Конечно, – продолжал Докос, – они не станут русскими гражданами и военными; но русским и не нужно их записывать в русские; им нужно просто использовать их в своих политических интересах, цель важная, которая стоит 1 000 оттоманских лир, которые они выплачивают за голос представителя монастыря в Карее». Ситуация в Святопавловском монастыре будет служить соблазном для других монастырей, которые могут последовать его примеру⁴⁵.

⁴² Ibid. Σ. 23–25.

⁴³ Иверский монастырь в Москве был подворьем афонского Иверского монастыря с XVII в. Официальная передача монастыря Св. Николая-Большая глава состоялась в 1654 г., но уже осенью 1652 г. в монастыре были оставлены греческие монахи (см.: *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии // *Очерки феодальной России*. М., 2001. С. 74). Доходы, получаемые от него, составляли существенную часть бюджета монастыря. Задержка доходов с имений афонских монастырей России, о которой неоднократно говорит в своих донесениях Докос, так называемая «понудительная мера», которой широко пользовались русские дипломаты для оказания давления на греческие монастыри Афона, имевшие спорные дела с русскими. Большинство афонских монастырей еще с XVII в. имели «преклоненные» им земельные угодья в Молдавии и Валахии. После провозглашения болгарской схизмы русское правительство в 1873 г. секвестрировало эти имения, и с тех пор монастырям высылалось только 2/5 от доходов с них. Остальные деньги распределялись между разными ведомствами и шли на развитие школьного дела в Молдавии и Валахии, на управление имениями и проч. Остатки от этих сумм расходовались Синодом по своему усмотрению на поддержку бедных церквей и монастырей Востока, на пособия прорусски настроенным греческим и славянским иерархам. Защитник восточных патриархатов, государственный контролер Т. И. Филиппов дважды (в 1891 и 1893 г.) выступал против задержки доходов и прибавке к высылаемой на Восток сумме, так, чтобы эта прибавка перечислялась в пользу Константинопольского патриархата. Его предложение принято не было. В 1912 г. вышел новый указ о перераспределении сумм от бессарабских имений; часть денег переводилась на счет Палестинского общества. Об инициативе Т. И. Филиппова см.: *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 167–170.

⁴⁴ Доходы других греческих монастырей удерживались русским посольством и консульством в Фессалонике до разрешения спорных вопросов в пользу русских.

⁴⁵ Ibid. Σ. 45–48.



Монастырь Св. Павла. 28 сентября/11 октября 1930 г.

Высокой оценки удостоился игумен Григориата, Симеон из Триполи на Пелопоннесе, «образец монаха-воина нации и Церкви». В нем грекам можно быть совершенно уверенными. Большинство братии выходцы из Греции, морайты, причем родом с Пелопоннеса. Менее доволен остался Докос игуменами Ксенофонта, Симонопетра, Дохиара и Константина, которые, на его взгляд, были глупы, неграмотны и не обременены национальными чувствами. К ним следовало бы прислать образованное духовное лицо для наставления. Начисто лишены национальных чувств епитропы монастыря Ставреникита; все склоны покрыты русскими келлиями и каливами, многие из которых куплены в последние 4 года. Сдержанна и исполнена неприязни оценка Пантелеймонова монастыря. При посещении же Зографа Докос пытался предостеречь монахов против излишнего доверия русским и в то же время подчеркнул, что греки, в отличие от русских, никогда не посягали на их монастырь.

Подводя итог своему посещению, Докос высказывает необходимые, на его взгляд, меры к улучшению национальной ситуации на Св. Горе, которые сводятся к 11 пунктам: ограничение мирского элемента в Карее; реорганизация греческой школы в Карее; делегирование в Карею подобающе настроенного представителя, в монастыри – духовных лиц из Греции, которые бы вошли в доверие к монахам и действовали заодно с консульством; предоставление Ставрениките беспроцентного займа и поставить его под непосредственный надзор Лавры, Ватопеда, Ивилона и Кутлумуша⁴⁶; покупка келлий в Стримонском заливе, которых домогаются русские; строгое запрещение поселения русских в греческие монастыри, а также продажи им келлий и калив; преодоление ревности между греками из Турции (туркомеритами) и Греции (морайтами); ограничение каймакама-взяточника⁴⁷.



⁴⁶ Обремененный долгами монастырь Ставреникита не случайно являлся предметом особого беспокойства греческого консула: в 1880-е годы, в разгар спора русских монахов Ильинского скита с Пантократорским монастырем представитель Пантелеймонова монастыря в Карее Нафанаил разрабатывал план покупки монастыря у греков и поселения в нем в качестве игумена вместе с ильинцами. Проект остался неосуществленным из-за смерти Нафанаила. (А. И. Нелидов -Н. П. Шишкину. 10 апреля 1890 г. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3218. Л. 86–89 об.).

⁴⁷ Ibid. Σ. 99–102.

Келлии монастыря Ставроникита. 21 сентября/ 4 октября 1930 г. В конце XIX – начале XX в. многие из этих келий принадлежали русским



Монастырь Ставроникита. 14/27 августа 1928 г.

Исполнено озабоченности донесение Докоса от 26 июля 1889 г. (№ 869)⁴⁸. Он жалуется на корыстолюбие ватопедских монахов, которые из-за желания получить задержанные доходы с бессарабских имений, не решаются выступить против славянского засилья. Особенно огорчила консула беседа с иверскими монахами: «Πολλοί των ἐν αὐτῇ ἀπαίδευτων ραγιάδων καταρραδιουρῆθέντες ὑπὸ των Ρώσων борются с выходцами из Эллады»⁴⁹, – так с презрением характеризует Докос монахов-туркомеритов, выходцев из Турции. Антиприсосы Ставроникитского монастыря Никандр и Александр, по его словам, – предатели. Таким образом повторится история Пантелеймонова монастыря и шаг за шагом вся Св. Гора будет продана русским.

В целях укрепления эллинизма на Афоне, по мнению греческого консула, были приемлемы любые средства, в том числе помощь со стороны католических держав (донесение от 5 августа 1889 г.)⁵⁰. Оказывается, австрийский консул проявлял интерес к монастырю амальфитян, известному под названием Морфану; в византийское время эта обитель была основана выходцами из итальянского города Амальфи. Австрийский представитель хотел бы узнать, нет ли на Афоне документов, аналогичных тем, что хранятся в архиве Ватикана. По мнению Докоса, эту заинтересованность консула великой державы вполне можно использовать в борьбе против русских. Он узнал, что в архиве Лавры существует пергаменный документ об основании монастыря выходцами из Амальфи, которые имели право держать корабли. Однако основание инославного монастыря на Афоне представлялось проблематич-

⁴⁸ Ibid. Σ. 99–102.

⁴⁹ Многие из живущих там неграмотных райий (т. е. турецких христиан), обманутые русскими

⁵⁰ Ibid.

ным, и Докос посоветовал антипросопам Лавры не показывать этот акт, пока не будет найден какой-нибудь другой, более подходящий документ.

Очередные жалобы на распространение русских высказывает Докос в донесении от 31 февраля 1891 г. (№ 1080). В длинном списке мер, которые необходимо принять, говорилось также о введении контроля над денежными делами греческих монастырей, невозможности предоставления никаких уступок русским (удовлетворение требований Ильинского скита, передача в постоянное пользование Андреевскому скиту гавани, допущение новых русских монахов в келлии и скиты и др.). Более того, Докос настаивал на том, чтобы игуменам греческих монастырей были запрещены поездки в Россию за сбором милостыни⁵¹.

Созвучно донесениям Докоса было изложение профессора богословия, иеромонаха Парфения Папаянопулоса о состоянии Св. Горы, написанное в Фессалонике в марте 1888 г. и адресованное министру церковных дел и образования⁵². На вопрос «Как мы можем спасти Афон?» автор дает два основных ответа: материальная помощь монастырям со стороны греческого правительства и поселение в обителях ученых монахов, которые бы проводили разъяснительные беседы с братией и распространяли бы среди них образованность в национальном духе. Митрополит Дамаскин Патрский, побывавший на Св. Горе по пути в Константинополь в 1889 г., также настоятельно советует С. Драгумису обратить особое внимание на Афон, чтобы тот не перешел в руки иностранцев (т. е. русских), приносящих большой вред эллинизму⁵³.

Сами греческие монахи много раз пытались оградить себя от русских. Так, в 1883 г. греческими монастырями был составлен взаимный акт, имеющий целью «ограничение чуждой стихии» на Афоне⁵⁴. Русские, говорилось в документе, заняли монастырь Св. Пантелеймона, ильинцы добиваются увеличения населения скита, грузины стремятся захватить Ивиرون, русский монах Павел хочет занять скит Св. Анны, русские государственные люди помогают им советами и защитой. Ввиду всего вышеизложенного, 17 афонских монастырей должны занять оборонительную позицию. Во-первых, определяются два уполномоченных от всех монастырей в патриархию для объяснения того, что происходит. Во-вторых, монастыри обязываются защищать друг друга. В-третьих, в случае угрозы одному из монастырей остальные 16 обязуются ему помогать. Акт предусматривал денежную взаимопомощь и создание общей кассы. Документ этот, однако, остался неподписанным из-за несогласия беднейших греческих монастырей, не пожелавших вносить вклады в общее дело.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid. Σ. 12а.

⁵³ Дамаскин Патрский – Ст. Драгумису. 1 июня 1889 г. Ibid. Σ. 14.

⁵⁴ Архим. Макарий – А. И. Нелидову. 24 августа 1883 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1193а. Л. 3–4.

Афон и вселенская патриархия. Патриарх Иоаким III

Афон находился на территории Османской империи и в каноническом отношении был подчинен Вселенскому патриарху. Однако от патриарха – верховного главы Афона – зависело не так много, и привыкшие пользоваться своей автономией святогорцы нередко предпочитали решать спорные вопросы непосредственно в турецких гражданских судах. Периодически, по мере поступления жалоб, из патриархата командировался на Афон экзарх или специальная комиссия для расследования той или иной острой ситуации; как правило, такие экспедиции не имели сколько-нибудь существенных последствий. Борьба афонских монастырей за свою экономическую и административную независимость от Константинопольского патриархата в 1880–1890-е годы продолжала обостряться. В первую очередь этот вопрос вставал в связи с получением от России доходов с бессарабских имений и с назначением управляющих в бессарабские и кавказские имения монастырей. В неоднократно возникавших конфликтных ситуациях российские дипломаты, как правило, принимали сторону патриарха. «Вопрос о желании патриарха подчинить себе более или менее афонские монастыри – не новый, – писал в апреле 1890 г. сотрудник посольства А. Иванов. – Разбирать его с точки зрения историко-легальной бесполезно. Нас должен скорее интересовать вопрос этот со стороны полезности для нас разрешения его в том или другом смысле... Я полагаю, что нам всегда будет полезнее держать сторону патриарха. Во-первых, Вселенский патриарх для нас есть представитель православия на Востоке, и идти против него представляет для нас такие невыгоды, каких нельзя вознаградить никакими временными выгодами на Афоне. Кроме того, легче... иметь дело с одним патриархом, чем со многими афонскими монастырями. До тех пор пока афонские монастыри будут строго держаться православия, они от патриарха не отпадут. Если же случилось, что, подпавши влиянию афинского эллинизма, они уклонились от пути подчинения Великой церкви, то нам неизбежно придется держаться опять патриарха, то есть выйти на ту же самую дорогу, на которую и желает теперь вывести нас патриарх»⁵⁵.

История Афона последних двух десятилетий XIX в. тесно связана с деятельностью патриарха Иоакима III (1878–1884; 1901–1912). Чуждый националистических пристрастий, искренне расположенный к России, Иоаким III, еще будучи Фессалоникийским митрополитом, поддерживал русских монахов на Афоне. После восшествия на патриарший престол он старался укрепить церковную дисциплину и добиться от Афона строгого подчинения патриархии. В конце 1879 г. он потребовал, чтобы все русские монахи, отправлявшиеся с Афона в Россию, имели при себе рекомендательные грамоты от патриархии. Если российское посольство не будет выдавать им паспортов без предъявления таких грамот, то тем самым будет положен конец многим злоупотреблениям⁵⁶.

⁵⁵ Резолюция на протесте патр. Дионисия V против назначения архим. Нифонта управляющим кавказскими имениями Филофеевского монастыря. АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2926. Л. 18 об. Эти слова, сказанные в 1880-е годы, станут вновь актуальными в 1912–1913 гг., когда после присоединения Афона к Греции будет решаться вопрос о его каноническом и международном статусе.

⁵⁶ Иоаким III – М. К. Ону. 22 декабря 1879. Там же. Д. 2917. Л. 112–112 об., 113–113 об. (рус. пер.).



Вселенский патриарх Иоаким III в период его проживания на Св. Горе, около 1900 г. Фотограф: иеродиакон Прокопий, Карея

Свое мнение по поводу самостоятельных действий афонских монахов патриарх высказал в беседе с российским послом Е. П. Новиковым в ноябре 1881 г. Предметом разговора был следующий случай. Вследствие секретного донесения о тайном ввозе большого числа ружей новой системы и пороха из Греции, султан послал туда для проверки своих чиновников Мехмед-бея и Скандер-бея, чтобы они предложили монахам вопросы о численности насельников монастырей и количестве ружей и пороха в них. Монахи отвечали, что они ни на кого жалоб не имеют, представили список жителей и опись оружия (главным образом старых ружей для монастырских сторожей)⁵⁷. Мехмед-бей потребовал увеличить цифры в описях; монахи отказались, а в качестве компенсации вручили ему адрес с выражением признательности султану. При этом они тотчас же пожаловались патриарху на вмешательство турецких властей, которое имело целью изменить *status quo* Св. Горы⁵⁸. «Патриарх признался мне, – писал в своем донесении Е. П. Новиков, – что вдвойне недоволен этим делом, – так как поведение монахов нужно не менее осуждать, как и притязания турок. В начале его патриаршества Саид-паша предлагал ему обратиться к Порте, дабы при ее содействии ввести во внутреннем управлении монастырей реформы, какие признает нужными». Иоаким III тогда отклонил это предложение, опасаясь вмешательства турок во внутренние дела монастырей. Вместо того, чтобы быть довольными этим, монахи решили действовать самостоятельно: по мнению патриарха, им следовало бы в данном случае прикрыться его иерархическим авторитетом и предоставить ему инициативу действий⁵⁹.

В марте 1884 г. Иоаким III был вынужден подать в отставку, которая была с сожалением воспринята как греками Турции, так и в России. Через три года, в 1887 г., он поселился на Афоне в келлии Милопотамон, принадлежащей Великой Лавре. Пребывая на Св. Горе, он по-прежнему живо интересовался происходящими там событиями и особенно положением русского монашества. Именно его посредничеству обязано мирное разрешение многих спорных вопросов. Испытывая симпатии к прорусски настроенному патриарху и надеясь как на его вторичное избрание на патриарший престол, так и на посредничество в афонских делах, русское правительство через своих представителей старалось по возможности оказывать ему содействие. Сам переезд патриарха из Константинополя на Афон состоялся на специально нанятом для этого игуменом Макарием пароходе⁶⁰. Тронутый торжественным приемом в русском монастыре, патриарх «с видимой любовью посматривал на наших монахов и выказывал уважение вообще к русским и к о. Макарию в частности». Иоаким III, писал Ястребов, прибыл на Афон с целью на месте ознакомиться с образом жизни монахов всех национальностей. Поскольку не было оснований сомневаться, что он будет снова занимать Вселенский престол, то эти наблюдения ему могли бы весьма пригодиться. Далее Ястребов подробно излагает содержание своего разговора с Иоакимом III. Патриарх выражал сожаление по поводу изменения кинувального (общежительного) положения в грече-

⁵⁷ Архим. Макарий – М. К. Ону. 9 ноября 1881 г. Там же. Д. 2919. Л. 42–44 об. Подобные обвинения предъявлялись афонским монастырям со стороны турецкого правительства постоянно. Дело в том, что начиная с 1880-х годов при поддержке греческого правительства и различных неправительственных организаций начинается постоянная партизанская война в Македонии, направленная за раздел сфер влияния между греками и славянами, в первую очередь, болгарами. Особой остроты эта борьба достигает в конце 1890-х – 1910-х годах, когда Афон действительно становится промежуточным пунктом для снабжения и укрытия членов партизанских отрядов.

⁵⁸ Делепа Е. П. Новикова от 11/23 ноября 1881 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 51. 2 отд. 3 ст. Д. 357. Л. 5–6. См. также оправдательное письмо игумена Макария по этому вопросу от 14 января 1882 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1193а. Л. 476–489. Это была обычная тактика греческих афонских монастырей: задабривать турок и одновременно жаловаться на притеснения с их стороны. В случае же внутренних конфликтов они прибегали к помощи как турецких властей, так и патриаршего суда.

⁵⁹ Там же. Л. 5 об.–6.

⁶⁰ Делепа консула в Солуни И. С. Ястребова от 4 июня 1887 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 57. 2 отд. 3 ст. Д. 225. Л. 2–4 об.; копия в архиве И. Е. Троицкого: ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 160. Л. 11.

ских монастырях на идиоритмическое. Проезжая вместе с русским консулом мимо виноградников Пантелеймоновского подворья в Хрумице, он сказал: «Вот отчего процветают русские монастыри, состоящие на кинувальном положении. Монахи сами усердно заботятся об общей пользе, а не так, как в наших греческих монастырях мало прилагается попечение о благосостоянии монастыря для будущего времени. Русским присуще благочестие и послушание, а грекам – сребролюбие и гордость»⁶¹.

Наряду с этим суждением, высказанным отчасти под влиянием сиюминутного настроения, а может быть, и для того, чтобы сделать приятное русскому дипломату, Иоаким выражал и гораздо более критические мнения по вопросу о положении русских и их распространении на Св. Горе. Конечно, как греку, Иоакиму было больно видеть бедность греческих обителей и ту зависимость от русских, в которой они находились. Во время посещения греческого консула Г. Докоса он тесно с ним общался и давал ему советы касательно тех мер, которые можно принять для поддержания эллинизма. Сторонник строгой дисциплины в Церкви, Иоаким не мог не возмущаться явным нарушением русскими установленных на Афоне правил. Выше мы приводили его сетования, высказанные в беседе с консулом Ястребовым. Среди афонских бумаг МИДа хранятся собственноручные письма патриарха, в которых он резко осуждает некоторых русских монахов за их неподобающий образ жизни и просит русское посольство принять против них срочные меры. «Из числа... факторов, влиявших на изменение нравов и условий монашеской жизни на Афоне, на первом месте, поистине, должны быть поставлены русские монахи. Они стремятся к богатству и наживе, входят в широкое общение с миром, привлекают великие жертвы, приступают к громадным постройкам... усиливают мирской элемент на Афоне...» – писал Иоаким товарищу обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблеру⁶².

Разочаровавшись в своей миротворческой деятельности на Афоне, в начале 1891 г. Иоаким III хотел покинуть Св. Гору⁶³. При этом он обратился к российскому послу А. И. Нелидову с просьбой о материальной помощи в 300–400 турецких лир из доходов от секвестрированных имений восточных патриархатов в Бессарабии. Источники его существования, писал он, зависят от четырех семей, и он не знает, как избавиться от долгов. «Мы не нищенствуем для себя, – добавил патриарх, – а просим, если возможно, чтобы из денег, предназначенных на такого рода благотворения, возмещены были нам издержки на возобновление почтенной пустынной обители, насчитывающей более девяти веков существования»⁶⁴. Узнав о планах патриарха, российский посол ходатайствовал об оказании ему материальной помощи. Иоаким, писал Нелидов, еще будет играть значительную роль в судьбах православного Востока; слабая и неудачная политика его преемников подняла его обаяние в среде греческого населения. Иоаким готов идти рука об руку с Россией, и потому необходимо помочь ему путем предоставления ему 300–400 лир из бессарабских доходов⁶⁵. Патриарх тогда, однако, не покинул Афон; он продолжал быть посредником-миротворцем в слож-

⁶¹ Там же. Л. 12 об.

⁶² См. дело Св. Синода «По посланию бывшего Константинопольского патриарха Иоакима с указанием мер к прекращению нестроений и злоупотреблений в жизни русских келлиотов на Афоне» (Иоаким – В. К. Саблеру. 24 февраля 1889 г., автограф. РГИА. Ф. 797. Оп. 69. 2 отд. 3 ст. Д. 124. Л. 1–10 об.).

⁶³ И. С. Ястребов – А. И. Нелидову. 19 февраля 1891 г. А ВПРИ. Ф. 180. Оп. 5 17/2. Д. 3426. Л. 120–122 об.

⁶⁴ Иоаким III – А. И. Нелидову. 30 января 18 91 г. А ВП РИ. Ф. 18 0. Оп. 517/2. Д. 3 4 26. Л. 124–124 об. (автограф), 125–125 об. (рус. пер.).

⁶⁵ А. И. Нелидов – Н. К. Гирсу. 11 марта 1891 г. Там же. Л. 114–119 об. Русское правительство в конце XIX – начале XX в., как и прежде, практиковало оказание материальной помощи бывшим восточным иерархам, которые, находясь на престоле, проводили дружескую по отношению к России политику. Так, пенсией от русского правительства пользовались Константинопольский патриарх Неофит V II и Иерусалимский патриарх Никодим; Сербский митрополит Михаил после отставки нашел себе пристанище в России.

ных спорах святогорских монастырей. В 1894 г. он снова обратился к Нелидову с просьбой о помощи в строительстве храма на вершине Афона⁶⁶. С Афона прибыл он в Константинополь в 1901 г., чтобы снова взойти на патриарший престол.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3674. Л. 54–55 об. (автограф), 57–58 (рус. пер.).

Позиция российского МИДа

Если бы мы располагали только донесениями греческих дипломатов и духовных лиц, то могло бы сложиться впечатление, что русское правительство было крайне заинтересовано в Афоне, в усилении на Св. Горе русского элемента в ущерб греческому и не жалело никаких средств для достижения этих целей. Какова же была на самом деле позиция российского МИДа в отношении греческого духовенства вообще и афонского монашества в частности? Точка зрения дипломатического ведомства отчетливо заявлена в донесении А. Е. Влангали от 28 декабря 1883 г. / 9 января 1884 г.: «Под общим именем “греков” можно разуместь Афинское правительство, население королевства, жителей Турции греческого происхождения, патриархат и духовенство и, наконец, греческих иноков на Афоне»⁶⁷. Далее дается характеристика отношения российской дипломатии к каждой из этих категорий. «На нас лежит обязанность ограждать по мере возможности права и независимость Восточной церкви. Но между интересами этой церкви и национальными интересами... афинских греков не только возможно, но и необходимо провести строгую демаркационную черту, так как Вселенский патриархат нисколько не призван служить оплотом эллинизма»⁶⁸. В самом деле, русская политика начиная с 1774 г. неизменно защищала Восточную церковь от посягательств турок, Россия выделяла большие материальные средства для ее поддержания, но при этом во всех документах подчеркивался подлинно вселенский, наднациональный характер Константинопольского патриархата. Величайшие святыни Востока – Гроб Господень, Святые места Палестины, Афон должны принадлежать всему православному миру. Такая политика входила в противоречие со взглядами правительства Греческого королевства, стремившегося к утверждению приоритета греков и национализации церковной жизни православного Востока.

Увеличение притока русских на Св. Гору, а также огромное число паломников (в 1891 г. было открыто прямое пароходное сообщение судами Русского общества пароходства и торговли) вызвали необходимость поставить ситуацию под контроль русских властей. При жизни игумена Макария (он умер в июне 1889 г.) сведения о событиях жизни Св. Горы получались через него или его доверенных; благодаря его личному авторитету были успешно преодолены многие сложности в отношениях русских и греческих монахов. «Благодаря личности о. Макария, Пантелеймоновский монастырь сделался чем-то вроде посредствующей инстанции между посольством и консульством в Салониках, с одной стороны, и всем русским Афоном – с другой», – писал секретарь посольства А. Смирнов⁶⁹. После смерти Макария это стало сложнее, появилась настоятельная необходимость иметь на Св. Горе особого представителя. Поскольку назначение светского консула не представлялось возможным, то посольство предложило Св. Синоду рекомендовать туда духовное лицо, которое бы жило в качестве паломника, следило бы за ходом дел и старалось приобретать нужное влияние⁷⁰. Идея назначения представителя – духовного лица не встретила сочувствия у К. П. Победоносцева. «Я нахожу предлагаемый им способ неудобным для достижения предполагаемой цели», – писал он. Подобное назначение, по мнению обер-прокурора, напоминает учреждение, задуманное графом Нессельроде для Иерусалима и закончившееся неудачей⁷¹. Если

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3212. Л. 20.

⁶⁸ Там же. Л. 20–21.

⁶⁹ Делепеша А. И. Не л и дова от 27 и юн я 1891 г. РГ ИА. Ф. 797. Оп. 61. 2 отд. 3 ст. Д. 1 46. Л. 31–32.

⁷⁰ Там же. Л. 29. См. 6. Записка секретаря посольства А. Смирнова о желательности назначения на Афон лица духовного звания в качестве русского агента от Св. Синода, 1891 г. (АВПРИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский главный архив. II–9. Оп. 47. Д. 8. Л. 3–14). Мысль о необходимости командирования на Афон духовного лица-архимандрита высказывал в 1900 г. солунский консул Н. А. Иларионов (РГИА. Ф. 797. Оп. 70. 2 отд. 3 ст. Д. 18. Л. 62–62 об.).

⁷¹ Имеется в виду первая русская духовная миссия в Иерусалиме под руководством архимандрита Порфирия Успен-

даже свой человек на Афоне – архимандрит Макарий – не мог многое уладить, то, как полагал Победоносцев, тем менее это удалось бы сделать человеку чужому⁷².

Из противоречивых и непоследовательных указаний министерства становится ясно, что русское правительство не имело выработанной определенной точки зрения касательно политики на Афоне; не было даже четкого понятия о том, полезно ли русское присутствие там вообще. Русское посольство в Константинополе, равно как и консульство в Фессалонике, неоднократно посылало в МИД запросы, подчеркивая важность для посольства знать отношение правительства к усилению русского иночества на Афоне⁷³. Против дальнейшего развития русского Афона у дипломатов имелось серьезное возражение, ранее высказывавшееся митрополитом Филаретом Дроздовым, – а именно отток русских денег за границу, которые лучше было бы направить на окраины России. При всей желательности подобного решения вопроса, посол А. И. Нелидов не видел способа, как это можно осуществить; ведь на Новоафонский монастырь на Кавказе никогда не будут жертвовать столько, сколько на древний Афон. «Невольно приходится пожалеть, – пишет посол, – что русские деньги идут на поддержку и устройство келлий, коих самая принадлежность русским инокам зависит от произвола греков, и с этой стороны, раз невозможно остановить или направить эти пожертвования иначе, – быть может, было бы лучше, если бы они получались, по крайней мере, скитами, составляющими неотъемлемую русскую собственность». В заключение Нелидов просил дать ему инструкции дальнейших действий. «Имея в руках лишь фактические данные, показывающие глубокое почитание народа русского к Св. Афонской горе, невозможно взвесить, как велика нравственная польза этого почитания или насколько Афон полезен и нужен нам с государственной точки зрения... Приходится иметь дело с неизведанной областью, с самостоятельной и могучей силой народной», – делал вывод Нелидов⁷⁴. «Вообще по отношению к Св. Горе правительству раз навсегда следует отказаться от мысли иметь там исключительное влияние, или направлять движение народное в этой области», – говорит он в другой депеше⁷⁵. О невозможности решить этот вопрос постановлениями и указами говорит секретарь константинопольского посольства А. Смирнов: «Правительство может задаваться вопросом: нужен ли ему Афон? То есть должно ли оно брать на себя деятельную роль в защите на нем русских интересов. Оно может стеснить или, напротив, как оно это делало до сих пор, поощрять паломничество, может стремиться ограничить прилив денежных пожертвований. Но основной вопрос: нужен ли Афон православному народу русскому? – решает сам народ, не спрашивая кабинетных соображений наших, а прямо высылая на Афон свою деятельную силу, свою трудовую копейку. – Остановить прилив того и другого едва ли возможно. Правительство должно, отнюдь не стесняя жертвующих, сделать все от него зависящее, чтобы Афон стоил этих жертв»⁷⁶. После этого становится очевидной несостоятельность обвинений со стороны греков в якобы организованной «панславистскими комитетами» поддержке афонского монашества со стороны русского правительства.

Итак, помощь дипломатии русским обителям осуществлялась на основании 62 статьи Берлинского трактата и общего правила поддержки русских подданных на территории Турции. Это распространялось, в первую очередь, на большие обители – Пантелеймонов монастырь, Ильинский и Андреевский скиты, принадлежность которых России представлялась бесспорной, а строгая организация давала возможность контроля над ними. В числе имуще-

ского.

⁷² К. П. Победоносцев – Н. П. Шишкин у. 27 октября 1897 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 61. 2 отд. 3 ст. Д. 146. Л. 44–46.

⁷³ А. И. Нелидов – Н. П. Шишкину. 10 апреля 1890 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1193а. Л. 292–295.

⁷⁴ Там же. Л. 89–89 об.

⁷⁵ От 27 июня 1891 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 61. 2 отд. 3 ст. Д. 146. Л. 31–32.

⁷⁶ АВПРИ. Ф. СПб ГА II–9. Оп. 47. Д. 8. Л. 6 об.–7.

ственных споров, которые вели русские с греками на Афоне в конце XIX – начале XX в., особо выделяются дело Ильинского скита с Пантократорским монастырем и дело грузинской келлии Св. Иоанна Богослова с Иверским монастырем.

Подданство русских монахов

Правовой статус насельников русских обителей был неопределенным. С точки зрения Оттоманского государства русские насельники Афона являлись османскими подданными. Афонским канонизмом 1876 г. все святогорские монахи, независимо от их национальности, объявлялись подданными Османской империи; им выдавались так называемые нуфусы (виды на жительство), формально приравнивающие их к османским подданным. Однако это турецкое подданство оставалось номинальным, а канонизм, хотя был введен в свод турецких законов, никогда не выполнялся. Русские монахи оставались русскими подданными, сохраняли свои российские паспорта и пользовались покровительством русского правительства в лице его дипломатических представителей. По русским законам, российское подданство терялось лишь в следующих случаях: 1) вследствие поступления на иностранную службу без разрешения правительства; 2) вследствие отказа на вызов русских властей вернуться на родину. Более того, 62 статья Берлинского трактата подтверждала покровительство русским монахам со стороны дипломатов именно как российским подданным.

Вместе с тем, согласно указу Св. Синода от 13 июля 1816 г., русские подданные, принявшие постриг за границей, не признавались как монахи в России. В ответ на это Александр I издал другой указ, который разрешал богомольцам принимать монашество, но при условии, что они навсегда останутся за границей. В дальнейшем лиц, постриженных за границей, принимали в русские монастыри в монашеском звании и своем сане после прохождения трехлетнего послушнического искуса, причем в каждом случае требовалось разрешение от Св. Синода. Эта практика прослеживается на многих примерах. Приведем один из них. В феврале 1900 г. иеромонах Андреевского скита Порфирий обратился к настоятелю Виленского Свято-Троицкого монастыря архим. Палладию с прошением о принятии его в число братии с разрешением священнослужения. Архим. Палладий ходатайствовал перед архиепископом Литовским и Виленским Ювеналием, однако, отвечал, что он не имеет права дать подобное разрешение, так как «пострижение и рукоположение, производимое на Афоне, не признается в России без разрешения Св. Синода, потому проситель и должен просить Св. Синод»⁷⁷. Следующее письмо Порфирия было направлено уже в Св. Синод, причем он просил принять его с разрешением священнослужения и «взамен требуемого при сем предварительного искуса зачесть время пребывания в подворьях Афонского Свято-Андреевского скита в Одессе с 1886 г. по 1890 г. и в Петербурге с 1890 г. по 1892 г. и затем с 1897 г. по 15-е января 1899 г.», где он совершал богослужение с разрешения местной епархиальной власти⁷⁸. Ответ Синода был, однако, неблагоприятным: о. Порфирий, «как получивший пострижение в монашество и рукоположение в сан вне пределов России, в силу циркулярного указа Св. Синода от 19 марта 1816 года, может быть принят в указанный им Виленский Свято-Троицкий монастырь или в какую-либо другую обитель... не иначе как на испытание в течение трех лет», после чего епархиальное начальство может ходатайствовать перед Св. Синодом о признании его в сане и монашестве⁷⁹. Через полтора года в Синод обратился архиепископ Волынский и Житомирский Модест, который просил об о. Порфирии, на сей раз касательно зачисления его в братию Дерманского Свято-Троицкого монастыря на иеромонашескую вакансию. В рапорте указывалось, что еще в 1898 г. Острожский епископ Сера-

⁷⁷ Иером. Порфирий – архим. Палладию. 8 февраля 1900 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 181. VI отд. 1 ст. Д. 3044. Л. 2–2 об.

⁷⁸ Иером. Порфирий – Св. Синод. 29 февраля 1900 г. Там же. Л. 1–1 об.

⁷⁹ Выписка из определения Св. Синода 13 марта 1900 г. № 1103. Там же. Л. 4.

фим ходатайствовал о назначении иером. Порфирия наместником Дерманского монастыря⁸⁰. Теперь в Синоде сочли возможным отступить от буквы указа: иером. Порфирий был принят в Волынскую епархию в монашестве и сане⁸¹.

Двойственность статуса давала, с одной стороны, русским монахам большую степень свободы и возможность в России выступать в своем прежнем мирском звании, а с другой стороны, позволяла русским властям защищать их только в тех случаях, когда это находили целесообразным. Если монах признавался «неблагонадежным», то к нему сразу применялась формулировка «такой-то, именующий себя иеромонахом»; в некоторых случаях дипломаты не стеснялись отсылать наиболее назойливых просителей под тем предлогом, что они турецкие подданные⁸². Один из наиболее показательных примеров в этом отношении содержится в донесении русского консула в Иерусалиме от 11 апреля 1907 г. «В самый разгар паломнического сезона, начиная с Рождества Христова и кончая Пасхой, – писал он, – вслед за нашими паломниками, в Иерусалим наезжает много так называемых афонских монахов русского подданства, что генеральное консульство, на основании предписаний императорского посольства в Константинополе, не признает за ними монашеского звания. – Но наши простодушные паломники, а в особенности женщины, считают их монахами (любопытно, кем же еще они могли их считать? – Л. Г.). Вследствие этого сии последние бессовестно эксплуатируют религиозное чувство паломников и выманивают у них большие деньги на поминовения. Бывали даже примеры кощунственной продажи ими несуществующих мощей»⁸³. Далее консул говорит о том, что он не может закрывать глаза на вымогательства афонцев и, считая их мирянами, должен преследовать их за недозволенные сборы и мошенничество, но не находит в русских законах соответствующей статьи. Он нашел п. 2 ст. 174 Устава наказаний, налагаемых мировыми судьями за вымогательство, однако, не считает возможным прилагать его в данном случае. Синод же и здесь, как обычно, рассуждал с чисто формальной точки зрения и уклонился от ответа на прямо поставленный вопрос: поскольку речь идет о лицах, «именующих себя афонскими монахами, но в действительности не принявших пострижения от русских духовных властей, причем самые проступки таковых лиц совершаются вне пределов Российской Державы, то разъяснение... недоумения... могло бы последовать лишь от подлежащей светской власти, а не от Св. Синода», – гласит синодальное решение⁸⁴. Понятно, что светская власть никаких законов на этот счет указать не могла, и положение оставалось прежним. Напротив, когда речь шла о государственных интересах России, то в документах особо подчеркивалось принадлежность того или иного монаха к русскому подданству⁸⁵.

Со стороны турецких властей неоднократно предпринимались попытки официально признать русских монахов османскими подданными, но эти попытки всегда встречали противодействие со стороны русской дипломатии и ничем не оканчивались. Во время переписи населения Афона в 1905 г. турецкие власти сделали попытку отобрать у русских монахов их русские паспорта и взамен их выдать им турецкие нүфусы. Требование турок встретило решительный отказ со стороны всех русских обитателей и чиновники «более не настаивали

⁸⁰ Модест, архиеп. Волынский и Житомирский – Св. Синоду. Рапорт. 15 сентября 1901 г. № 551. Там же. Л. 6–6 об.

⁸¹ Выписка из определения Св. Синода от 19 сентября 1901 г. № 3588. Там же. Л. 7.

⁸² Так, например, посол в Константинополе А. Б. Лобанов-Ростовский в 1879 г. мотивирует свой отказ помогать грузинским монахам тем, что они, как принявшие постриг за границей, якобы утратили тем самым российское подданство. АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3672. Л. 11–12 об. Турецкими подданными называл солунский консул Н. А. Иларионов особенно настойчивых русских келлиотов.

⁸³ РГИА. Ф. 797. Оп. 77. II отд. 3 ст. Д. 247. Л. 2–2 об.

⁸⁴ Выписка из определения Св. Синода от 11 марта/14 апреля 1908 г. № 1803. Там же. Л. 4–4 об.

⁸⁵ Особенно настойчиво дипломаты говорят о русском подданстве афонских монахов в отношении их организованных начинаний и приобретения собственности за пределами Св. Горы – в Палестине, Ливане и Сербии.

и ограничились поименной переписью братий монастырей и келлий; лишь в грузинской келлии Иоанна Богослова при Иверском монастыре им удалось получить паспорта монахов с обещанием возвратить их, но это исполнено не было, и братия келлии получила новые нуфусы, в коих они значатся турецко-подданными»⁸⁶. Солунский вали отказался возвратить паспорта без особого распоряжения Порты, объясняя это тем, что все монахи считаются турецко-подданными. В ответном письме из посольства подчеркивалось, что новый порядок, вводимый властями солунского вилайета, совершенно неправилен, потому что русские монахи, согласно 62 статье Берлинского трактата являются иностранными духовными лицами на территории Турции. Н. В. Кохманский должен требовать, чтобы отобранные паспорта были немедленно возвращены в российское генеральное консульство⁸⁷. Турецкие власти не стали настаивать на своем и вступать по этому поводу в конфликт с русскими. Уже 14 декабря Кохманский докладывал о том, что вопрос был разрешен в пользу сохранения прежнего положения вещей; паспорта обещали вернуть. «Вручение же нашим монахам турецких нуфусов в дополнение к их национальным документам, как то и хотят турецкие власти в виду двойственности их подданства, пока они имеют пребывание на Афоне, не могло бы встретить на практике затруднений для самих монахов. Впрочем, сам вали пока на этом не настаивает», – добавляет Кохманский⁸⁸.

Новая волна претензий началась после прихода в 1908 г. к власти младотурок, которые активно стремились к уничтожению в империи привилегий иноверческого населения. 29 августа 1909 г. Н. В. Кохманский докладывал в посольство о конфискации у настоятеля келлии Св. Иоанна Златоуста Константина Семерникова его российского паспорта; документ не был возвращен, несмотря на представления со стороны консульства. Уже имея опыт в подобном вопросе, Кохманский дает краткую справку об отношении турецких властей к русским монахам. «С давних пор положение русских монахов на Афоне было двойственным и юридически с точностью не установленным. Хотя императорское посольство и генеральное консульство в Солуни всегда признавали, что поскольку наши монахи остаются на территории Афонского полуострова, они являются турецко-подданными, но, с другой стороны, сами турецкие власти никогда не претендовали на безусловность этого подданства, а в действительности афонские русские монахи, находясь вне Афона на турецкой же территории неизменно пользовались всюду своим качеством иностранных подданных, сохраняя свои национальные документы и путешествуя по Турции по подорожной (мурур-тезкереси) на имя русско-подданного. В некоторых случаях, когда афонские власти, случайно получив в свои руки паспорта русских уроженцев, пытались их оставить у себя (...), таковые действия властей, по протесту генерального консульства, признавались высшей турецкой инстанцией злоупотреблением и отобранные паспорта вручались генеральному консульству»⁸⁹. Теперь же турецкие власти намерены применять закон во всей строгости. «В толковании этого закона, – продолжает Кохманский, – здешние власти идут настолько далеко, что находят естественным, чтобы наши афонские монахи оставались в силу упоминаемого закона в турецком подданстве и за пределами Турции, не исключая их родины, России, так как турецкий закон не допускает самостоятельного выхода из раз приобретенного подданства». С точки зрения России, объясняет он, афонские монахи считаются лишь временно выбывшими на жительство за границу, а в силу особого статуса Св. Горы за ними и русские власти признавали временное турецкое подданство, но они при этом «конечно,

⁸⁶ Н. В. Кохманский – И. А. Зиновьеву. 1 ноября 1905 г. АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3679. Л. 2–3.

⁸⁷ И. А. Зиновьев – Н. В. Кохманскому. 6 декабря 1905 г. Там же. Л. 1–1 об.

⁸⁸ Н. В. Кохманский – И. А. Зиновьеву. 14 декабря 1905 г. Там же. Л. 4–4 об.

⁸⁹ Н. В. Кохманский – Н. В. Чарыкову. 29 августа 1909 г. Там же. Л. 8–8 об.

всегда остаются русско-подданными»⁹⁰. В своем докладе по тому же вопросу Кохманский высказывает мысль о желательности изменения 8 и 10 пунктов афонского устава так, чтобы афонские монахи иностранного происхождения сохраняли свои национальные паспорта для поездок за пределы Турции; внутри ее пределов они считаются турецкими подданными⁹¹. Однако предложение Кохманского исполнить оказалось невозможным. Мнение посольства было выражено в инструкции, данной управляющему солунским консульством 15 октября 1909 г. Посол считал, что нет надобности обращаться по поводу документов афонских монахов к турецкому правительству, так как случаи конфискации паспортов до сих пор имели характер частной меры и не распространялись на все афонское монашество. Как и во многих других случаях, посольство нашло компромиссный и наименее конфликтный выход из ситуации: солунское консульство должно выдавать монахам, взамен конфискованного, другой паспорт, как и поступают при утере русскими подданными их заграничных документов⁹².

Возникший вопрос о подданстве русских монахов нашел отражение на страницах германских газет, откуда перешел и в русскую периодическую печать. На это обратил внимание министр иностранных дел С. Д. Сазонов, который попросил навести справки; в ответе министру еще раз подчеркивалось, что русские монахи не перестают считаться русско-подданными⁹³.

Беспокойство по вопросу о статусе русских монахов высказывает посол Н. В. Чарыков и в письме к новому консулу в Фессалонике А. К. Беляеву от 9 февраля 1911 г. Он обращается к Беляеву с просьбой навести справки, почему солунский вали снова обратил внимание на эту проблему. Турецкий регламент об Афоне не был признан русским правительством. На практике оно допускало по умолчанию, чтобы русские уроженцы рассматривались оттоманскими властями как турецкие подданные, но «ни в коем случае не может быть дано согласие со стороны русской власти на официальный выход русских монахов из российского подданства для окончательного зачисления их оттоманскими подданными с отнятием у них русских паспортов»⁹⁴. Когда Беляев запросил вали Ибрагим-бея, тот поспешил ответить, что письмо, посланное им несколько месяцев тому назад в Порту, касалось только греческих, но никак не русских подданных, от которых он вовсе не намерен требовать строгого исполнения этого правила⁹⁵. Дело, таким образом, и на сей раз было сведено к сохранению status quo, казавшегося приемлемым как русской, так и турецкой стороне. В предреволюционной ситуации в Македонии 1910-х годов турецкие власти боялись настроить против себя Россию, а русское правительство продолжало свою пассивную политику на Балканах, тщательно избегая открытых конфликтов.

⁹⁰ Н. В. Кохманский – Н. В. Чарыкову. 29 августа 1909 г. Там же. Л. 9–9 об.

⁹¹ Доклад Н. В. Кохманского. Константинополь, 11 сентября 1909 г. Там же. Л. 6–7.

⁹² Н. В. Чарыков – А. М. Петряеву. 15 октября 1909 г. Там же. Л. 5–5 об.

⁹³ С. Д. Сазонов – А. Н. Свечину. 29 сентября 1910 г. № 842. Там же. Л. 11; А. Н. Свечин – С. Д. Сазонову. 21 октября 1910 г. № 229. Там же. Л. 12–15.

⁹⁴ Н. В. Чарыков – А. К. Беляеву. 9 февраля 1911 г. № 37. Там же. Л. 18–19.

⁹⁵ А. К. Беляев – Н. В. Чарыкову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.